

Humanitas

Гуманисты
эпохи Возрождения
о формировании личности
(XIV–XVI вв.)

Humanitas

Коллектив авторов

**Гуманисты эпохи
Возрождения о формировании
личности (XIV–XVII вв.)**

«ЦГИ Принт»

2015

УДК 130
ББК 87

Коллектив авторов

Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности
(XIV–XVII вв.) / Коллектив авторов — «ЦГИ Принт»,
2015 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-175-7

Книга дает возможность проследить становление и развитие взглядов гуманистов Возрождения на человека и его воспитание, составить представление о том, как мыслители эпохи Возрождения оценивали человека, его положение и предназначение в мире, какие пути они предусматривали для его целенаправленного формирования в качестве разносторонне развитой и нравственно ответственной личности. Ряд документов посвящен педагогам, в своей деятельности руководствовавшимся гуманистическими представлениями о человеке. Книга обращена к широкому кругу читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 130
ББК 87

ISBN 978-5-98712-175-7

© Коллектив авторов, 2015
© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

Вступительная статья	6
Гуманистическая мечта о человеке	27
Франческо Петрарка	27
О невежестве своем собственном и многих других	28
О средствах против всякой судьбы	30
Книга вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.)

© Левит С. Я., 2015

© Ревякина Н. В., Кудрявцев О. Ф., 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

Вступительная статья

Возрождение – яркий культурный период в истории Европы, приходящийся на XIV – начало XVII в. От других этапов в развитии культуры его отличает огромный интерес к человеку, который во многом объясним переходным характером эпохи Возрождения от Средневековья к Новому времени, от феодализма к буржуазному строю. Разрушение феодальных общественных структур и старых форм экономической деятельности и появление новых поставили личность в особое положение – потребовали от нее развития личной инициативы и энергии, способствовали развитию самосознания. Культура Возрождения во многом отражает этот процесс. Но, устремленная *в будущее*, она имеет и *свое* видение этого будущего, и свое видение человека. Она предлагает эпохе свой образ человека, ее система воспитания носит целенаправленный характер, идеалы ее оказываются в целом шире, возвышеннее, благороднее, чем того требовала эпоха. Поэтому культура этого периода оказалась понятной будущим поколениям, а ее идеи, учения и художественные ценности сохраняют свое значение и сегодня.

Возрождение являет нам поистине грандиозную работу человеческого самосознания, осуществляющуюся тщательно и заинтересованно во всех сферах культурной жизни – литературе и философии, искусстве и науке. Этот исключительный интерес к человеку дал название и ведущему идейному течению в Возрождении – гуманизму (от лат. homo, humanus – человек, человеческий) – и обозначил его содержание. Гуманизм возникает в сфере филологической культуры, которая понималась шире, чем в Средние века, и включала в себя наряду с традиционными дисциплинами Средневековья (прежде всего грамматикой и риторикой) еще и историю, моральную философию, поэзию. Эти studia humanitatis – науки о человеке – составляют основание гуманистической культуры, хотя и не исчерпывают ее и постоянно обогащаются, вбирая в себя и естественнонаучные представления. В сфере наук о человеке и рождается новое понимание человека, влияние которого ощутимо во всех областях культурной жизни.

Гуманизм был вдохновлен *Античностью*, именно она стала одним из его главных культурных истоков. Сочинения античных авторов гуманисты с энтузиазмом разыскивали по всей Европе и Византии, любовно возрождали к жизни, выводя на свет Божий, словно узников из подземелья (образ Поджо Браччолини), тщательно переписывали и распространяли, переводили (сначала на латынь с греческого, позже на национальные языки) и, когда появилось книгопечатание, энергично издавали. Такое своеобразное отношение к древности, с помощью которой гуманисты хотели воссоздать культуру после темных, как они считали, столетий упадка в Средние века, и дало название всей культурной эпохе – Возрождение (Ренессанс – *фр.*). К Античности (сначала к латинскому наследию, позже к греческому) гуманисты обращались и для того, чтобы обосновать собственные идеи, и в целях полемики с отживавшей свой век средневековой традицией. Цицерон и Сенека, Теренций и Плавт, Вергилий и Лукиан, Аристотель, Платон, Эпикур, Тит Ливий, Фукидид и другие римские и греческие поэты, философы, историки привлекали их каждый по-своему. Но гуманисты никогда не ставили своей целью восстановить во всей полноте и точности то или иное античное учение, они включали античные идеи в свои представления и учения, выстраивали собственный дом из самых разных кирпичей древности. К тому же часто толковали по-своему мыслителей древности, соединяли друг с другом, причудливо согласовывали с христианством.

Христианство, в основном ранее, было другим важным истоком гуманизма. Его тоже возрождали, разыскивая подчас забытые в Средние века сочинения Отцов Церкви и христианских писателей (Августина, Иеронима, Лактанция, греческих Отцов Церкви). Однако христианство у гуманистов несводимо к ссылкам на Библию и Отцов Церкви, его влияние глубже. Стоявшая за спиной гуманистов христианская традиция обогатила гуманистическую мысль духовностью и вниманием к психологии, сделала идеал человека более возвышенным, углу-

била намеченный самой жизнью интерес к индивидуальности, к «я», к самопознанию, усилила нравственное начало. В северном гуманизме, где влияние христианства было сильнее, это привело к возникновению «христианского гуманизма», с которым связаны имена Эразма Роттердамского, Томаса Мора и др.

В гуманизме дает о себе знать и *средневековая традиция*, она существовала в нем анонимно, так как на средневековых авторов гуманисты, как правило, не ссылались, хотя самые замечательные из писателей Средних веков, например Данте, гуманистам были известны и вызывали их глубокое уважение. Наибольшее влияние средневековой традиции, и в частности народной культуры, ощущается в гуманизме Германии, Франции.

Рождение гуманизма, как и начало Возрождения, было связано с Италией – страной городов-государств с их бурной экономической активностью, выходящей по своим масштабам и формам организации за рамки Средневековья; с их не менее интенсивной политической жизнью, разнообразием и динамизмом форм правления; с развитием светской культуры, спрос на которую в связи с секуляризацией очень возрос. Интенсивная жизнь итальянских городов вывела на историческую арену людей энергичных и предприимчивых, думающих, чувствующих и действующих иначе, чем их средневековые собратья. Купец, вышедший из поппланской или крестьянской среды, кондотьер незнатного происхождения, ставший правителем города или крупным военачальником, гуманист – выходец из любого слоя общества, иногда из самых низов, – все они добиваются высокого положения и удачи благодаря собственным личным качествам, труду, знаниям. В обществе возникает атмосфера, в которой начинают высоко цениться личность, стимулы и мотивы ее действий, находят понимание новые нормы поведения. Эта новая психологическая атмосфера и культурные сдвиги в городах стали благоприятной средой, в которой рождалась гуманистическая идеология. Новые настроения находили отражения в сочинениях гуманистов, и, поднимая их на уровень теории, преобразовывая в учения и концепции, гуманисты выступали как идеологи новых слоев в обществе. Но они и сами были «новыми людьми», представляли впервые появлявшуюся в обществе светскую интеллигенцию, знаменуя первый этап ее развития, и потому нуждались в самоутверждении, в *оправдании* и возвышении собственной деятельности. Как деятели культуры они разрабатывали, основываясь на богатом мыслительном материале, собственные представления о человеке и мире, о морали и воспитании и стремились внедрить их в общественное сознание. Гуманизм с самого начала заявил о себе как об активной, связанной с жизнью и влияющей на жизнь идеологии.

Первым гуманистом по праву считается Франческо Петрарка, его роль в становлении гуманизма признана его современниками и потомками. Подобно Сократу, он спустил философию с неба на землю и в полемике со схоластикой провозгласил человека главным объектом познания философии и всех наук. Самое важное знание для человека, говорит Петрарка, – это знание о нем самом: что он такое, для чего существует, куда идет? Он предлагает и способ познания человека – самопознание, блестящий опыт которого он явил миру своими трактатами, письмами, поэзией. Но самопознание для него – это не только познание конкретным человеком самого себя, хотя задача эта для Петрарки наиважнейшая, ибо человек для него – отблеск божественного света на земле, и богатства его души неисчерпаемы. Самопознание человека для Петрарки, насколько можно понять по его полемике со схоластами, – это познание человека в границах его человечности, во всей его человеческой специфике, со всей его сложной и богатой душевной жизнью, а не так, как познают животных («двуногие четвероногих» – иронизирует он над схоластами).

Своими размышлениями о человеке как главном предмете познания Петрарка, несомненно, повысил интерес к человеку и поднял значение наук, изучающих человека. В его подходе важна прежде всего позиция, на которую он встал, – *антропоцентризм*, т. е. представле-

ние о центральном месте человека в мироздании; в гуманизме до Монтеня такой подход будет ведущим.

Антропоцентризм, в сущности, не является новым подходом, он характерен для христианства: о господстве человека в мире красноречиво заявлено в Библии. По христианскому учению, человек, наделенный разумом и бессмертной душой, отличается тем самым от других творений, над которыми ему дано право властвовать. Однако грех прародителей – Адама и Евы, переданный ими роду людскому, привел к извращению воли человека, лишил его способности совершать благие дела – так говорили Августин и другие раннехристианские писатели; в средневековом богословии при толковании первородного греха акцент был перенесен на тело – проводник греха, ибо при его помощи во время зачатия грех передается людям. В силу грехопадения человек не может достичь сам, без помощи божественной благодати, спасения и найти правильный путь в земных деяниях. Так внутренне драматично выглядит место и путь человека в мире.

Гуманистическое видение центрального места человека в мироздании, совпадающее в главных идеях с христианским (человек, одаренный разумом и бессмертной душой, – царь Вселенной), выглядит в целом иначе; этому способствует новый взгляд гуманистов на природу и переосмысление представлений о первородном грехе. Гуманисты смотрят на природу как на творение Бога, создавшего мир по собственной воле, и как таковая природа – «наилучшая мать», «святейшая мать»; она все более наделяется божественными свойствами – «создательница всего сущего», «мудрейшая», «божественная», природа-Бог; некоторые гуманисты говорят даже о провидении природы, склонны видеть сознательную, целенаправленную деятельность природы в отношении человека. Такие разные гуманисты, как Лоренцо Валла и Джанноццо Манетти, сходятся в том, что природа все создала для блага человека, для его радости и наслаждения. Поэтому надо следовать законам природы, блюсти ее заповеди.

Такой взгляд на природу дает гуманистам возможность положительно оценивать человеческое естество, развивать представления о доброй природе самого человека, а это ведет к переосмыслению идеи греховной природы, первородного греха. Его влияние гуманисты понимают по-иному: грех привел к бренности и смертности человека, но превосходные качества его души и тела не утрачены, да и духовные стремления его, воля его не извращены первородным грехом. А если это так, то место человека во Вселенной становится поистине царским тронem, где восседает наделенный «красотой, умом, мудростью, могуществом и богатствами и, кроме того, властью и господством» человек, действующий по собственной воле во благо всего созданного. Словом, гуманистический антропоцентризм содержал в себе признание самостоятельной и творческой роли человека в осуществлении своего предназначения на земле.

Представления гуманистов о природе и первородном грехе были своего рода теоретическим основанием для размышлений о человеке. Но в целом гуманизм XIV и большей части XV в. не затрагивал глубоко основ старого мировоззрения и соединял часто новые взгляды с традиционными. Как молодая идеология он наступателен, эмоционален, порой дерзок, но и наивен одновременно, и трогателен своей удивительной любовью к человеку.

Что же интересует гуманистов в человеке? Человек как таковой и его обязанность, или долг, на земле, общественное бытие человека и связанные с ним нормы морали, воспитание человека – вот, пожалуй, главные проблемы, занимающие гуманистов XIV и большей части XV в.

Гуманистический интерес к «человеку вообще», к человеку, представляющему род человеческий, нов и прогрессивен, он означает разрыв с сословным, или корпоративным, человеком. Исходная позиция такого взгляда – признание природного равенства людей, не равенства природных способностей (этого гуманисты не признают), а равенства людей в их «природном» бытии (одинаково телесно устроены, обладают разумом, чувствами, волей, божественной

душой, отличаются от других творений природы). Все стороны природного бытия (природы человека) становятся предметом внимания гуманистов.

В гуманистических трактатах восторженно обсуждается человеческое тело, которое у Манетти названо прекрасным, совершенным и целесообразно устроенным. «Великую и изумительную силу разума» гуманисты подтверждают «великими и замечательными деяниями человека» и его изобретениями и открытиями. Здесь и строительство зданий и кораблей, в их числе Ноев ковчег и знаменитый купол флорентийского собора Брунеллески, и живописные и скульптурные шедевры, в которых мастера способны соперничать с природой, и многочисленные письменные памятники. Пристальное внимание привлекает душевная деятельность человека – чувства и воля. Лоренцо Валла поет настоящий гимн человеческим ощущениям и выдвигает, основываясь на Эпикуре, наслаждение как жизнеутверждающий принцип, пронизывающий все взаимоотношения людей. А Салютати и Манетти отстаивают право на страдание по поводу смерти сына. О любви к детям и семье, о радостях брачной жизни, о чувстве дружбы и еще о многих других привязанностях сообщают гуманисты в своих трактатах. Такими размышлениями о чувствах, к которым вековая аскетическая традиция выработала отрицательное отношение, гуманисты задают новую психологическую ориентацию человека – на земной мир, прекрасный и любимый, на все, что привязывает человека к земной жизни и утрата чего заставляет страдать. А занимаясь проблемой свободной воли, гуманисты дают такое ее решение, которое максимально оправдывает и развивает волевые усилия человека, т. е. делает его активным, ведь «человек рожден не для того, чтобы, покаясь, увядать в праздности, а чтобы быть деятельным», – говорит Альберти.

Итак, в своих рассуждениях о человеке гуманисты видят его волевым, деятельным, эмоционально привязанным к миру. И сам земной мир уже более не воспринимается как юдоль скорби и долина слез, которую надо пройти равнодушно и с наименьшими потерями для души. «Красивейший и наипрекраснейший мир так хорош, – пишет Манетти, – что не может быть лучше ни в действительности, ни в помыслах». Никто не сомневается уже, что жизнь – великое благо, которое не хочется терять, а это обостряет отношение к смерти и заставляет задуматься над проблемой бессмертия. Традиционное бессмертие обретает черты «гуманистического рая», красочно изображаемого Валлой и Манетти в меру фантазии каждого. Но волнует и страстное желание продолжить жизнь на земле в памяти потомков, увековечить себя славными деяниями и подвигами.

Изменив прежние представления о земной жизни, мире и человеке, гуманисты по-новому осмысливают и долг человека на земле. Эти размышления о человеке находят свое выражение в понятии «достоинство», которое включает в себе представление об особом месте и назначении человека на земле, его отличиях от прочих творений. Это представление родилось еще в раннехристианской мысли и понималось достоинство как дарованное Богом человеку, созданному по образу и подобию Божию.

Гуманистическая мысль, сохраняя понятие «образа и подобия», дает *достоинству* совершенно светское толкование, основанное на разработанных в гуманизме представлениях о человеке и мире. Наиболее ярко это делает Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека», хотя тему эту начал обсуждать еще Петрарка. В первой книге своего трактата Манетти показывает превосходные качества тела человека, во второй – замечательные, высокие свойства его души, в третьей – человека в гармоническом единстве души и тела. Достоинство человека, по Манетти, заключается в познании и деятельности в мире, что составляет его долг и обязанность и отличает его от других живых существ, свидетельствуя о его «наилучшем качестве и свойстве». Познание и действие сближают человека с Богом и ангелами. Человек продолжает дело Бога на земле, выступает как бы Его соавтором, так как «после первоначального и еще не законченного творения мира» человек все сам создает на земле, доводит до совершенства данные ему мир и его красоты, делая их «более прекрасными и изящными

и с гораздо большим вкусом отделанными». «Ведь люди, словно хозяева всего и возделыватели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами». Но, исполняя свой долг, человек через это познает Бога, любит Его и почитает, и в этом для Манетти состоит «собственное предназначение человека, основание дел и весь смысл блаженной жизни». Так, отождествляя познание Бога и любовь к Нему с долгом человека, т. е. с его познанием и действием на земле (достоинством), Манетти придает достоинству самостоятельное значение и земной смысл, высказывает мысль о творчестве человека – соавтора Бога на земле в деле творения – и дает высочайшее оправдание земной деятельности человека.

Земная жизнь человека мыслится гуманистами как жизнь *общественная*. Тема «мира и монастыря» довольно рано была решена ими (Салютати и др.) в пользу жизни в обществе, жизни без отречения. Гуманисты прекрасно усвоили мысль Аристотеля о человеке как общественном животном, и многим из них наверняка был близок взгляд Бруни: «...достаточность и совершенство человек приобретает из общества». Итальянский гуманизм отличается ярко выраженным социальным характером. Но эта социальность не корпоративно-сословная: место человека в обществе мыслится гуманистами иначе – в соответствии с личными заслугами. Начатое еще Петраркой и продолженное его последователями обсуждение темы «*благородства*» как раз и показывает новый взгляд на человека: благородство не дается знатным происхождением, а приобретается личными усилиями человека, оно составляет внутреннюю ценность личности, в соответствии с чем человек и должен занимать то или иное место в обществе. «Люди могут называться благородными только по праву собственной добродетели» – эта мысль Пикколомини, высказанная, кстати сказать, его венценосному ученику, была близка всем гуманистам. Предлагается, таким образом, иной, отличный от средневекового способ организации общества.

Как идеология, претендующая на самую тесную связь с жизнью, гуманизм рассматривает человека в конкретной среде – городе-государстве, сохранившем еще в Италии XIV–XV вв. в ряде мест (и прежде всего во Флоренции) республиканские формы правления. Так появляется одно из наиболее значительных течений в гуманизме Италии – *гражданский гуманизм*, характерный как раз для городов-республик и идейно тяготевший к Аристотелю и Цицерону. Главными в нем были идеи общественного блага, гражданского служения, гражданско-патриотического поведения, а также гражданского воспитания и самовоспитания. Их наиболее выразительно демонстрировали в своих сочинениях Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери, Монтеманьо и другие. Для Пальмиери «среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и достойным является то, которое совершается ради усиления и блага родины и ради наилучшего положения хорошо устроенного государства». Античные герои, которых гуманист ставит в пример современникам, «будучи благородны душой и в высшей степени мужественны, не имели в душе ничего другого, кроме блага государства и его усиления, ради чего они выносили часто многие трудности, заботы, лишения, опасности, раны, принимали жесточайшую смерть...». Подобные рассуждения соединяются с защитой республиканской формы правления, показом ее преимуществ – законности, свободы и др. У гуманистов, живших не в республиках, а в городах, где устанавливались единоличные формы правления, идеи общего блага, законности, справедливости, свободы трактовались более абстрактно, имели сильную этическую окраску. «Нет ничего ужаснее, чем не взволноваться несчастьями других, нет ничего несправедливее, чем не сострадать чужому горю, нет ничего более несвойственного человеку, чем не проявлять по отношению к другим гуманность» – так рассматривал взаимоотношения людей Маффео Веджо.

Гуманизм был представлен разными течениями, на разных путях искал решения проблем социальной жизни, обсуждая проблемы семьи и брака, хозяйства и собственности, права

и справедливости. Связанные с конкретными общественно-политическими условиями и с разными идейными влияниями различия получали отражение и в этических учениях.

Этические поиски в этот период были исключительно интенсивными. Пожалуй, ни в какую другую эпоху не говорили так много о нравственности, никогда слово «добродетель» (почти исчезнувшее из нашего лексикона) не было столь распространено и исполнено глубокого смысла. *Добродетель* была и совокупностью высоких нравственных качеств в человеке, и образом его поведения и действия, и его славным деянием. Ее понимали всегда как активную, обращенную к людям. «Истинная хвала всякой добродетели заключена в действии», – говорил Пальмиери, выражая, в сущности, точку зрения всех гуманистов. Для всех этических исканий гуманистов характерны земной ориентир, понимание блага земной жизни как высшего, часто также эвдемонистическая окраска этого блага, т. е. толкование его как счастья. А критерии нравственного поведения, т. е. то, что определяло моральную ценность того или иного поступка, осмыслялись по-разному. В этике гражданского гуманизма моральным критерием было *благо общества*; стремление действовать во имя него наполняло высоким смыслом всякий человеческий поступок; служение обществу становилось, таким образом, нравственным долгом человека; путем воспитания и самовоспитания он приходил к осознанию этого долга и формировал в себе необходимые для этого качества.

В этическом течении, связанном с Эпикуром и Лукрецием, выдвигался другой моральный критерий – *личное благо*. Представлявший это направление Л. Валла вывел из свойственного всем живым существам по природе стремления к удовольствию и уклонению от страданий принцип наслаждения, провозгласил наслаждение высшим благом и отождествил его с пользой. И вот на этой сугубо индивидуалистической основе – личной пользе каждого – Валла пытался построить человеческие отношения, согласовать личный интерес с интересами других людей. Как он это делал? Ввел понятие большего и меньшего блага и одним из условий большего блага назвал любовь других людей, доставляющую человеку наслаждение – пользу. Человек должен уметь сделать правильный выбор, правильно осознать свой интерес, и для Валлы-гуманиста, верящего в человека, нет сомнений в том, что это выбор большего блага. Делая правильный выбор, человек, естественно, стремится к собственной пользе, но такой, которая предполагает любовь, доверие, уважение к нему других людей, – в этом высшее наслаждение для человека. Так предлагался, в сущности, другой вариант социальной сплоченности, в отличие от гражданского гуманизма. Следовательно, утилитарная этика Валлы не антисоциальна, у нее просто другое основание – благо личности, критерий морали заключен в самом человеке, в его умении правильно понять свое благо.

Этими нравственными поисками, разумеется, не исчерпывалась деятельность гуманистов. Они (прежде всего Альберти) разрабатывали и варианты гармонической связи общественного блага, интересов семьи и личности. Привлекал гуманистов и стоицизм, внутренне укреплявший личность и помогавший одолевать судьбу, сильнее которой оказывалась добродетель. Интересным были и их рассуждения на темы лицемерия, начатые еще Петраркой и обращенные к средневековым идеологам. Их значение было шире, чем просто моральная дискредитация монахов и схоластов: утверждаемое при этом единство мысли, слова и поступка несло в себе высокий нравственный смысл.

Все эти замечательные в своем роде попытки рассмотреть человека самого по себе и его бытие в обществе пронизаны были верой в человека, в его способность достичь гармоничных отношений с людьми, обществом и государством, в его умение усовершенствовать и украсить мир, продолжая дело Бога. И все же гуманисты исходили скорее не из сущего, а из должного, говорили о том, что должно быть. Весь гуманизм был, в сущности, педагогичен, он был одним большим Наставлением человечеству.

Если же говорить о педагогике в собственном смысле слова, то на конец XIV и XV в. (в основном его первую половину) приходится взлет педагогической мысли. Именно в это время

было написано большинство трактатов по воспитанию, сформировалась педагогическая мысль итальянского гуманизма как относительно цельное явление, появились и знаменитые гуманистические школы Гуарино да Верона и Витторино да Фельтре, так прославившие Италию. И это не случайно. Итальянская гуманистическая наука воспитания – плоть от плоти гуманизма этого периода со всеми его особенностями. Веря в добрую природу человека и крепкое социальное начало в нем, гуманисты именно на человека возложили все свои надежды, но на человека должным образом воспитанного. Поэтому целенаправленное воспитание рассматривалось как самое эффективное средство совершенствования самого человека, а через него и благоденствия общества, в котором человек живет, ибо человек, по мнению гуманистов, воспитывается для себя, для семьи и для общества. Об идеях воспитания будет сказано ниже, здесь же важно лишь подчеркнуть неотделимость гуманистической науки воспитания от гуманизма указанного периода.

* * *

В последней трети XV в. в итальянском гуманизме сформировалось новое течение – *флорентийский неоплатонизм*. Оно явилось дальнейшим развитием гуманизма, связанным с попыткой перейти от обсуждения этических и социальных проблем, волновавших предшествующих гуманистов, к проблемам общеполитическим. В Средние века эти проблемы в силу религиозного характера мировоззрения эпохи приобретали специфическую форму, выливаясь в обсуждение вопроса о Боге и мире. Так что, начав заниматься этим вопросом, гуманисты вторглись в темы, бывшие всегда предметом обсуждения теологов.

С помощью идей Платона и неоплатоников, чьи произведения были переведены с греческого главой Флорентийской неоплатоновской академии Марсилио Фичино, гуманисты начинают иначе, чем в средневековом богословии, решать вопросы соотношения мира и Бога, Бога и человека, а также места человека в мире. По христианскому вероучению, Бог сотворил мир из ничего, и, созданный из ничего, мир противоположен Богу, два разных начала лежат в их основе: Бог – это дух, а мир – материя, произведенная из «ничто» и потому ничтожная. У флорентийских неоплатоников мир создается эманацией (истечением) божественного Единства в мир, в результате чего мир наполняется божественностью и предстает как гармоничный, прекрасный, пронизанный любовью. Через это обожествление мир получает наивысшее оправдание. Предельно возвышен и человек, способный (у Фичино) собственными силами, без помощи божественной благодати, подняться до Бога.

Возвышение человека у неоплатоников – это возвышение его духа. Главным в человеке для них является, в соответствии с учением Платона, его душа. Исчезает столь характерное для предшествующего гуманизма понимание человека как гармоничного единства души и тела. Теряется и чувственное восприятие мира, и зримое ощущение красоты мира и человека, столь восторженно передаваемое гуманистами. Гуманизм стал более философски обоснованным, но утратил некоторые достижения предшествующего периода.

Поэтому и тема достоинства человека, в решении которой ясно видны особенности гуманизма неоплатоников, получает иное выражение. У Фичино достоинство человека проявляется в божественности его души. В такой постановке вопроса нет возврата к средневековому взгляду на достоинство. Действительно, что означает у Фичино божественность души? Прежде всего бесконечность и универсальность человеческого духа: душа все может и стремится быть везде. И потому человек использует все вещества мира – элементы, камни, металлы, растения и животных, он попирает землю, бороздит воды, вздымает в небо высочайшие башни, единственный из животных пользуется огнем, поднимается в небо, измеряет его, выходя сверхнебесной мыслью за его пределы. Господин и правитель мира, он всем повелевает, заботится обо

всем живом и неодушевленном, украшает мир. Он есть некий бог, бог животных, бог элементов.

Божественность души человека проявляется также в его творческих способностях. В отличие от животных, получивших от природы некоторые навыки и неспособных их развивать, человек изобрел многочисленные искусства и постоянно их совершенствует. Он выступает соперником самой природы, и сила его почти подобна силе божественной природы. Не защищенный телесно от природы, человек сам добывает для себя пищу, одежду, создает жилища, орудия и поддерживает себя полнее, чем природа животных.

Но человек заботится не только о телесных нуждах; пренебрегая служением телу, он развивает свободные искусства и достигает в них высот, как Архимед, понявший строение небес и построивший медную сферу, воспроизводящую их движения. А потому, узнав строй небес, человек становится обладателем почти такого же таланта, как и создатель небес, и он сможет сделать сами небеса, если найдет необходимые орудия и небесную материю. Человек, таким образом, достигает высот божественного творчества, становится чуть ли не соперником Бога в творении мира, ибо обретает способность этот мир воссоздавать.

Наконец, божественность души проявляется, по Фичино, в бессмертии. Человек собственными силами может подняться к искуплению и очищению. Самопознанием он открывает в себе Божественное.

Фичино не ограничивает человека его земным предназначением, но он и не призывает его к отречению от мира. Полностью оправдывая человека, Фичино ориентирует его в земном мире на высочайшее и верит в его способность достичь этого. Он идет далее Манетти в возвеличивании человека, но чтобы так высоко вознести человека, сказать о его неограниченных возможностях, он возвышает дух, способности души, разрывая столь прочную в предшествующем гуманизме связь души и тела.

Несколько иное понимание достоинства складывается у Джованни Пико делла Мирандола, близкого к флорентийским неоплатоникам. Человек у Пико в структуре мироздания (мир ангельский, небесный и подлунный) не занимает определенного места, а является «соединением и связью» трех миров. Он соединяет земное и небесное и заключает в себе все природы, сливающиеся в нем в одном. И потому положение его исключительное: ему подвластны земля, стихии, животные, для него трудятся небеса, о его спасении и благе пекутся ангелы. Достоинство человека заключается у Пико в его способности путем свободного выбора к самоопределению. При творении мира, пишет гуманист в «Речи о достоинстве человека», Бог не дал человеку ясно определенной сущности или природы, но дал ему свободную волю и зародыши всякого вида жизни. Человек вправе выбирать между различными природами или путями жизни. Он может низко пасть и высоко подняться. Обладая свободой выбора, человек в этом выборе себя формирует. Пико, как видим, по-своему понимает библейское повествование о создании Богом человека. Свобода воли, по Библии, была дана человеку, созданному по образу и подобию Божию, до грехопадения, грехопадение извратило эту свободу, и с тех пор, поступая по собственному усмотрению, человек выбирает неверно, для правильного выбора ему нужна Божественная благодать. Пико не прибегает к идее «образа и подобия» и ничего не говорит о грехопадении и Божественной благодати. Разумеется, у него хорош и желателен не всякий выбор. Долг человека – выбрать высшую форму моральной и интеллектуальной жизни, только тогда, когда выбрана наивысшая возможность, и реализуется полностью достоинство человека.

Неоплатоники максимально возвысили человека и в его земных деяниях, в которых он соперничает с божественной природой, и в его способностях к самоформированию. Они довели до логического конца и философски обосновали наметившуюся еще ранее тенденцию в гуманизме к возвеличиванию человека, выше поднять человека было уже невозможно.

Предельная идеализация человека, вознесение его до небес не были достоянием всего гуманизма. Особый взгляд на человека складывался в это же время в *кругах гуманистов*, так

или иначе *связанных с университетом, с естествознанием*, с аристотелевской традицией. Так, для болонских гуманистов Кодро Урчео, Филиппо Бироальдо человек – создание сложное, хрупкое, бренное, вечно меняющееся, грешащее себялюбием. «Человек – капля, а мнит себя земным богом», – говорит Бироальдо. В своих размышлениях о человеке он пользуется народной мудростью, почерпнутой из пословиц. Не воспарять ввысь, а заняться земными делами, отложив Божественное, исследовать человеческое – так толкует Бироальдо Сократа.

Человека, по мнению этих гуманистов, возвышает знание, оно является наивысшим человеческим стремлением. Знание и созидание составляют, по Кодро, достоинство человека, но оно не дано человеку, а каждодневно завоевывается в борьбе с враждебными вещами. Более реалистический взгляд университетских гуманистов на человека испытывает влияние близкого соседства с медиками и натуралистами, т. е. он несет на себе в какой-то степени печать науки. А влияние гуманистов на окружение дает о себе знать трактатами их коллег по университету схоластов, специально посвященными человеку. В них подробно описываются человеческое тело, его внутренние и внешние части, здоровье и болезни, делаются попытки сугубо натуралистического объяснения телесного устройства человека.

Свойственное университетским гуманистам более реальное видение человека наблюдалось и у других деятелей Возрождения, таких, например, как Поджо Браччолини, Альберти. Такое видение как бы уравнивало собой предельное возвышение человека, свойственное флорентийскому неоплатонизму, открывало путь научному подходу к человеку – путь, на который гуманисты не вступили, а по которому пошли такие ученые-естествоиспытатели, как Леонардо да Винчи.

Гуманизм в Италии продолжал развиваться и в XVI в., порой являя миру поразительные взлеты мысли (историческая и политическая мысль Никколо Макиавелли), но он все больше уступал место натурфилософии, науке, эстетике, оказав на них серьезное влияние. Очень сильно он повлиял и на гуманистическое движение в других европейских странах, которое с конца XV в. начало распространяться в Европе.

* * *

Европейский гуманизм XVI в. являет собой новый уровень размышлений о человеке и мире, отразивший в себе все коллизии жизни: наступающую Реформацию и затем Контрреформацию, бурное развитие в ряде стран капиталистических отношений, острые религиозно-политические и социальные конфликты, народные движения, Великие географические открытия, расширявшие горизонт, – т. е. все то, что отсутствовало или было слабо выражено в Италии в момент наиболее высокого подъема ее гуманизма и что в самом европейском гуманизме XVI в. обусловило ряд особенностей.

Гуманизм XVI в. – более сложное явление по сравнению с гуманизмом Италии XIV–XV вв. Он воспринял ряд идей итальянского гуманизма и развивавшейся в XVI в. итальянской натурфилософии (благодаря книгопечатанию и частым поездкам гуманистов из других европейских стран в Италию распространение идей значительно ускорилось), однако стал более зрелым и менее зависимым от античных учений, в нем даже появляется критическое отношение к древности (особенно у Хуана Луиса Вивеса); все ошутимее влияют на него жизненная практика, социальные коллизии.

Гуманизм XVI в. оказался теснее связан с проблемами национальной жизни – общественной и религиозной: своей критикой католицизма гуманисты подготавливали Реформацию (Эразм Роттердамский и немецкие гуманисты), их волновали проблемы объединения государства (Ульрих фон Гуттен в Германии), политики и политической власти, будь это защита сильного единовластия у Никколо Макиавелли и Жана Бодена или критика тиранической единоличной власти у Этьена Ла Боэси; они начали откликаться на обострившиеся соци-

альные проблемы (бедности, лишения производителей средств производства – Томас Мор, Х. Л. Вивес).

Сильнее звучит в гуманизме критическая струна, и объекты критики теперь не только католическая церковь, невежество, лицемерие и моральные пороки (у немецких гуманистов и Эразма эта традиция блестяще продолжена, достаточно вспомнить «Похвальное слово глупости» Эразма или «Корабль дураков» Себастьяна Бранта), но и войны (Эразм) и ужасы религиозной борьбы (Мишель Монтень), а также государство и его политика, общественные институты (Франсуа Рабле, Мор), а в числе обличаемых гуманистами пороков появились невиданные доселе фанатизм, нетерпимость, жестокость, ненависть к человеку и др. Гуманизм XVI в. (особенно на севере Европы) испытал более сильное, чем в Италии, влияние христианства, особенно раннего; представлявшие «христианский гуманизм» Эразм, Джон Колет, Мор и другие понимали христианство как этическое учение, в основе которого лежит любовь к ближнему и активное преобразование общества на основе учения Христа; так толкуя христианство, гуманисты соединяли его с требованиями природы, считали не чуждым античной культуре.

Хотя гуманизм XVI в. и отличался от раннего гуманизма, он сохранял присущие этому мировоззрению любовь к древности, веру в силу знания, в высокую миссию воспитания, интерес к человеку. Разумеется, взгляд на человека претерпел изменения. Исчезает идеализация человека, характерная для раннего гуманизма, его безудержное возвышение сменяется критическим отношением, свойственным Макиавелли, Эразму, Монтеню и др. Человек перестает рассматриваться как совокупность неизменных природных свойств, он воспринимается теперь как развивающееся, постоянно меняющееся, противоречивое существо; растет сомнение в доброте человеческой природы.

Поскольку поставлены под вопрос и добрая природа человека, и социальный инстинкт, начинаются поиски иных оснований для учений о лучшей жизни, лучшем обществе и лучшем человеке. При всем громадном различии Мора и Макиавелли они сходятся в своей попытке посмотреть на человека через призму *общественных отношений*. В отличие от гуманистов-предшественников, рассуждавших в категориях должного, Макиавелли ищет «настоящую, а не воображаемую правду вещей», он исходит не из идеала, а из реальности. Он пытается посмотреть на человека как на такового, каков он есть, и находит, что каждый стремится к удовлетворению собственных интересов, жаждет богатства, испытывает страх перед силой и наказанием. «Люди вообще неблагодарны, непостоянны, вероломны, робки и жадны» – такой приговор выносит он человеку. В этих условиях всякий желающий добиться успеха не может действовать исходя из принципов должного, он обязан действовать в соответствии с обстоятельствами, с учетом природы людей, проявлять энергию, разумно оценивать ситуацию, выбрать нужные методы. В этом заключается содержание *virtù* (добродетель – *итал.*) – качеств характера у Макиавелли, столь отличных от добродетели гуманистов XV в., которая пронизана нравственным стержнем. Но от человека, обладающего *virtù*, зависит устройство сильного государства, в таком убеждении Макиавелли, несомненно, лежит гуманистическая идея, вера в огромные возможности личности. Сильная власть в государстве – не самовластье правителя, преследующего личные цели, смысл ее – забота о государственном интересе, и ради его осуществления провозглашаются оправданными все средства. Идеал сильной власти был рожден в трагических условиях раздробленной Италии, находившейся под гнетом чужеземцев, он мог восприниматься как призыв к национальному объединению. И все же освобождение политики от морали, или, вернее, подчинение морали политике не стяжало в истории славы талантливого политическому мыслителю.

Сомневаясь в доброй природе человека, Макиавелли считал, что «люди поступают хорошо лишь по необходимости». Он рассматривал власть, государство, законы, зародившиеся, с его точки зрения, в результате общественного договора в целях самосохранения людей, как способные обуздывать их стремление к удовлетворению собственных интересов. Вспом-

ним, как совсем иначе решал подобный вопрос Валла, возлагавший надежды на человека и веривший в него.

Если государство у Макиавелли способно ставить преграды дурной природе человека, то у Мора дурной человек – вор, бродяга, достойный виселицы разбойник – порождение плохо устроенного государства, отношений в обществе. Объединяющая обоих мыслителей идея – влияние на человека отношений в обществе и государстве. Хотя зародыши подобных воззрений можно усмотреть еще в гражданском гуманизме XV в., только в XVI в. эта мысль была высказана достаточно ясно. А у Мора она получила обоснование и логическое развитие в его государстве утопийцев, где волей своей фантазии он создает такие общественные отношения, которые позволяют человеку быть нравственным и реализовывать все свои возможности, как их понимали гуманисты. Недаром для утопийцев важно, что государство обеспечивает, «насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования». В этом, по их мнению, заключается счастье жизни. Об этом мечтали все гуманисты, только ранние, с их беспредельной верой в человека, пытались осуществить это, идя от человека. Теперь намечается противоположный подход – от государства. Думается, что и расцвет утопической мысли в XVI в. имеет с этим прямую связь.

Изменившийся взгляд на человека отразился и на понимании гуманистами поступательного развития человеческого общества, хотя, конечно, в первую очередь на таком понимании сказались реальные достижения науки и техники. У итальянских гуманистов XIV–XV вв. поступательное развитие общества мыслилось как нравственный прогресс, основанный на совершенствовании человека. В XVI в. идеи нравственного совершенствования ослабевают или вообще исчезают в размышлениях о прогрессе, и главным двигателем развития человеческого общества начинают считать науку и производство. Чтобы появилось такое понимание прогресса, надо было изменить отношение к Античности, в которой ранние гуманисты видели образцы, искали идеалы; надо было, кроме того, достаточно сильно утвердить идею творчества. Подступы к этому были уже у Манетти, говорившего, что человек совершенствует и украшает мир, данный ему Богом в неотделанном виде, у Фичино, назвавшего способность человека к творчеству одним из качеств его божественности (Фичино высоко ценил успехи наук своего времени, роль книгопечатания). Но только в XVI в. гуманисты отдадут ведущую роль в развитии человеческого общества, наряду с наукой, военной технике, книгопечатанию, текстильному и металлургическому производству и др. Теоретически обосновывать это представление выпадет уже на долю Ф. Бэкона, он же придумает и прекрасный художественный образ для идеи прогресса – эстафета с факелами. Исторический оптимизм Возрождения и гуманизма не был исчерпан, но человек выступает теперь не столько в нравственном своем качестве, сколько во всемогуществе мысли и созидания. И все же это была утрата одной из самых гуманистических идей.

Гуманисты XVI в. сказали новое слово и о природном человеке. Позиция Мишеля Монтеня, сокрушившего *антропоцентризм*, отказавшего человеку в высоком титуле царя Вселенной, пожалуй, самая радикальная и равнозначна лишь идеям Коперника и Дж. Бруно, лишивших Землю центрального места во Вселенной.

Но попытки в этом направлении делались еще до Монтеня. Оправдание человека через природу, столь характерный для Возрождения интерес к животным и стремление найти в их жизни образец поведения для человека, оценить их чувства встречались и ранее. У мыслителей XVI в., испытавших влияние флорентийских неоплатоников и натурфилософии, включение человека в природу стало еще полнее. В частности, француз Шарль де Бовель понимал человека в неразрывной связи с миром: человек – сознание мира, в его разум смотрится мир, чтобы найти в нем смысл своего существования, познание человека неотделимо от познания мира, и начинать надо с мира, чтобы прийти к познанию человека. А у немецкого мыслителя и ученого Парацельса связь человека и мира (природы) утверждается с помощью древней идеи

микро- и макрокосма, причем микрокосм (человек) состоит во всех своих частях из тех же элементов, что и макрокосм, так же развивается и, будучи частью мира или природы, через него и познается. Полное тождество макро- и микрокосма у Парацельса было уже отходом от антропоцентризма, хотя это не помешало мыслителю утвердить мысль о могуществе человека, о его способности влиять на макрокосм (равно как и макрокосм влиял на человека), но могущество это утверждалось не на пути развития науки, а на магики-мистических путях.

Все более полное включение человека в природу вело к новому методу познания человека – через природу, что означало отказ от способа самопознания человека, предложенного Петраркой; но гуманизм этого метода по-настоящему не сформировал, хотя влияние натурализма на нем ощущалось (у Рабле, Бодена и др.). Но отход от антропоцентризма был сделан. Монтень в своей книге «Опыты» в опыте «Апология Раймонда Себундского» ставит под вопрос привилегированное положение человека в мире природы. Человек объявляет себя властелином Вселенной, мнит себя стоящим выше Луны и попирающим небо, равняет себя с Богом и выделяет себя из своих собратьев и сотоварищей в природе, преуменьшая их возможности, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему захочется. Но как он может знать внутренние, скрытые от него душевные движения животных? На каком основании приписывает им глупость? «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли она скорее мною, чем я ею?» – этот знаменательный вопрос ясно обозначает позицию Монтеня: человек – не царь Вселенной и не центр мироздания. «Почему, например, гусенок не может утверждать о себе следующее: “Внимание Вселенной устремлено на меня: земля служит мне, чтобы я мог ходить по ней; солнце – чтобы мне светить; звезды – чтобы оказывать на меня свое влияние... я любимец природы. Разве человек не ухаживает за мной, не дает мне убежища и не служит мне?”»

Монтень всячески подчеркивает близость людей и животных, показывая, что разум и чувства, определенные знания и умения, способность к обучению и искусство строительства, дар речи – все это свойственно и животным. У человека нет преимущества.

Смысл такой позиции Монтеня, разделяющей его и с христианским антропоцентризмом, и с гуманистическим возвышением человека до Бога, – в наиболее полном включении человека в природу. «Человек не выше и не ниже других», – говорит Монтень; он, как и все остальные существа, живет, подчиняясь законам природы.

Но жизнь в согласии с природой, в которой человек не имеет никаких преимуществ, не унижает человека, напротив, это подлинно человеческая жизнь, по мнению Монтеня. Она означает прежде всего уважение к человеческому естеству, ибо «презрение к естеству – самая зверская из человеческих болезней»; тело и душа должны действовать совместно и гармонично, помогая друг другу, внося в отношение человека к жизни и наслаждение, и разумную умеренность. Жизнь, согласная с природой, означает положительное отношение к жизни, умение жить «по-человечески», и оно Монтенем ценится превыше всего: «Действительно, умение проявить себя в своем природном существе есть признак совершенства и качество почти божественное». И заключается это умение, составляющее у Монтеня подлинное достоинство человека, в том, чтобы жить просто и естественно, в духе разума, но без его химер – фанатизма, догматизма, иллюзий, жить умеренно, терпимо, без ненависти. Во времена фанатизма, нетерпимости и жестокости религиозных войн Монтень призывал человека оставаться человеком и находил в природе то надежное и устойчивое основание, которое позволяет человеку быть таковым, осознавая свое единство с «братьями меньшими».

Жизнь в согласии с природой имеет у Монтеня нравственную окраску. Однако нравственные поиски гуманиста не исчерпываются природой, они сложны и противоречивы. Критерий морального поведения личности он ищет в моральных устоях личности, в совести, ибо «вовсе не все может позволить себе порядочный человек, служа своему государю, или общему благу, или законам». Но он признает и нравственную ценность общественных устоев, нравов и

обычаев, которые – в чем Монтень смог убедиться с открытием Нового Света – повсюду разные. Заслуживают внимания раздумья Монтеня над этими проблемами, осознание трудности их разрешения; они ведь и впрямь труднейшие для человечества. В своих этических поисках Монтень продолжает и углубляет размышления на нравственные темы гуманистов-предшественников, его блестящий опыт самоанализа в «Опытах» заставляет вспомнить самопознание Петрарки, а педагогические идеи – славных итальянцев XV в. Взгляды Монтеня – последнее слово гуманизма, в котором и связь с великим гуманистическим наследием прошлого, и знак эволюции – отхода от прежних идеалов, но такого отхода, который поставил зрелый гуманизм вровень с проблемами времени.

* * *

Неотделимые от развития гуманизма идеи воспитания занимали в нем исключительное место, ибо целенаправленное воспитание было главным путем осуществления в жизни гуманистических идей, внедрения их в общественное сознание.

Италия, давшая миру первых гуманистов, дала и первых теоретиков гуманистического воспитания, и первых всеевропейски известных гуманистических педагогов. Расцвет педагогической мысли в Италии, как уже было сказано выше, приходится на XV в., точнее, даже на его первую половину, но и предшествующий период гуманизма оказался важным для становления науки воспитания. Роль Петрарки здесь исключительна, хотя сам он никогда специально не занимался вопросами воспитания. Помимо того, что он поставил человека в центр познания, он связал еще неразрывными узами *знание и нравственность*. Знание, считает он, должно обладать силой влияния, и притом не только на разум, но и на чувства и волю, оно должно заставлять человека меняться к лучшему, а не только сообщать ему сумму сведений. «Я читаю не для того, – говорил Петрарка, – чтобы стать красноречивей и изворотливей, а для того, чтобы стать лучше». В моральном воздействии знания гуманист видит его связь с жизнью, его польза, а образованность сама по себе для него бесполезна. Главное – «обращать прочитанное в правило жизни»; и «знание литературы полезно тогда, когда оно переходит в действие и в делах, а не на словах оправдывает себя». В противном же случае «ясно и быстро понимать многие и замечательные вещи, цепко помнить, говорить красиво, писать искусно и сладостно декламировать – все это орудия пустой кичливости, бесполезный труд и шумиха».

Провозглашенная Петраркой связь знания и нравственности обозначала педагогический характер гуманизма в целом, а в самой педагогике предопределила первенствующую роль воспитательных задач. Для становления гуманистической науки воспитания были важны и конкретные требования Петрарки к знанию, которое для него уже не было заключено в рамки свободных искусств, а включало историю, поэзию, моральную философию, ставшие вместе с грамматикой и риторикой основой гуманистического образования; важны также его размышления о миссии учителя как воспитателя прежде всего, идеи воспитания и самовоспитания.

На развитие идей гуманистического воспитания серьезно влияла и деятельность педагогов-практиков, одним из которых был Джованни Конверсини да Равенна. Его личный опыт обучения в средневековой школе и собственное многолетнее преподавание дали ему материал для размышлений о роли учителя и семьи в воспитании, об обстановке в школе, о новых методах воспитания. В его рассуждениях на темы воспитания ясно обозначился поворот к воспитательным задачам образования.

Становлению идей гуманистического воспитания помогала борьба гуманистов, и прежде всего Салютати (позже Бруни, Гуарино), за светское образование и античную культуру. Их противники – монахи (к примеру, Дж. Доминичи, писавший против гуманистов и оспаривавший необходимость изучения античных авторов) и сторонники средневековых воззрений –

видели в античных книгах язычество и безнравственность. И гуманистам потребовалось много сил и красноречия, чтобы отстоять в образовании античную культуру.

Ранний гуманизм подготовил расцвет педагогических идей в XV в. В это время появляются первые, специально посвященные задачам воспитания и образования трактаты (Верджерио, Бруни, Веджо, Пикколомини и ряда других гуманистов, чьи работы известны лишь по названию, так как не дошли до нас). Педагогические вопросы широко обсуждаются в сочинениях на темы социальной жизни, семьи и брака (Фр. Барбаро, Альберти, Пальмиери, Фруловизи и др.). В этот же период создаются знаменитые гуманистические школы Витторино да Фельтре – в Мантуе и Гуарино да Верона – в Ферраре, о деятельности которых мы знаем в основном по воспоминаниям учеников и современников и отчасти из писем Гуарино.

Развитие идей воспитания неотделимо от развития гуманизма в целом, многие идеи гуманизма становятся достоянием педагогики, тем более что на темы воспитания писали те же самые гуманисты, которые обсуждали различные проблемы человека, и нет гуманистов, писавших только о воспитании. Педагогическая мысль не связана с каким-либо одним течением гуманизма, она творчески заимствует и взгляды на природу и добродетель, и гражданские идеи, и мысли о гармоничном развитии, и многое другое. О воспитании пишут гуманисты Падуи и Флоренции, Милана и Рима, Венеции и Феррары. Но все же более заметный вклад в развитие педагогической мысли, в практику воспитания принадлежит, пожалуй, Северной Италии, где через падуанскую школу прошли крупнейшие теоретики и практики воспитания – Верджерио, Витторино да Фельтре, Гуарино; с севером Италии связаны и такие имена, как Фр. Барбаро, Конверсини да Равенна, Веджо, Филельфо, Фруловизи и др.; на севере же возникли знаменитые гуманистические школы.

Идейные истоки гуманистической педагогики такие же, как у гуманизма в целом, – Античность, христианство, средневековая мысль. Правда, были у педагогики и свои авторитеты – трактат Квинтилиана «О воспитании оратора» (открытый в полном объеме в 1417 г. в библиотеке монастыря Сен Галлен Поджо Браччолини), трактат Псевдо-Плутарха «О воспитании детей», переведенный с греческого на латинский язык Гуарино в 1411 г. (гуманисты считали этот труд, вышедший из кругов Плутарха, работой самого Плутарха и широко использовали наряду с его «Жизнеописаниями»), и ряд других работ. Не исключено знакомство гуманистов с педагогическими трактатами Средневековья, хотя прямых ссылок нет; использовали они и опыт рыцарского воспитания.

В рассуждениях итальянских гуманистов XV в. на темы воспитания так много общего в главных установках, что это дает основание говорить об их взглядах как о своего рода концепции воспитания.

Рассмотрим наиболее характерные черты этой концепции. Как и гуманизм в целом, гуманистическое воспитание по своему духу было светским. Оно ориентировало человека исключительно на земную жизнь, хотя с религией ни в коей мере не порывало и утверждало благочестие как важную характеристику человека.

Как и гуманизм в целом, оно было обращено к «человеку вообще» и потому было лишено сословных черт и социально открыто, и в этом смысле его можно считать демократичным и антифеодальным. Гуманистическое воспитание не преследовало профессиональных целей, оно не готовило человека ни к учительству, ни к священству, ни к миссионерству, ни к торговой деятельности, главная его задача заключалась в том, чтобы воспитать человека. И потому гуманистические трактаты о воспитании, даже посвященные воспитанию детей государя (например, трактат Верджерио), имеют самое широкое звучание.

Итальянскую науку воспитания отличает целенаправленный характер, неразрывная связь образования и воспитания, приоритет воспитательных задач. Эту главную идею хорошо выражает Бруни, когда говорит, что *studia humanitatis* названы так потому, что совершенствуют и украшают человека, а цель их – сформировать нравственного человека: «Ведь все эти науки

нацелены на формирование нравственного человека, ничего полезнее этого нельзя и помыслить». Воспитательные задачи образования неотделимы у гуманистов от социальных, они прекрасно осознают общественную ценность хорошего воспитания. Альберти, разделяя с прочими гуманистами мысль о том, что хорошее воспитание является наилучшим наследством, которое родители могут дать детям, советует им приложить все силы, чтобы сделать своих детей «благовоспитанными и честнейшими, потому что это будет полезно для них самих (ибо благовоспитанность юношей ценится не меньше, чем богатство), а также принесет славу и похвалу дому, родине и им самим: если не ошибаюсь, лучше для отечества иметь граждан добродетельных и честных, чем очень богатых и могущественных».

Приоритет воспитательных задач подчеркивается и огромным вниманием к семье, которое столь характерно для итальянского гуманизма. Семья – это место, где начинается формирование человека, и потому родители должны еще до рождения ребенка, говорит Веджо, позаботиться о его нравственности; а для этого им следует прежде всего самих себя воспитать в духе добродетели, чтобы быть в дальнейшем примером для своих детей, ведь те, как обезьяны, все перенимают и, переняв, на протяжении всей жизни крепко держатся этого. Сколь велика же тогда ответственность родителей, о которой, кроме Веджо, говорят Пальмиери, Альберти и др.

В высоких требованиях, предъявляемых гуманистами к учителям, содержатся условия, важные для задач воспитания: учителя должны быть не только прекрасно образованными и знающими свое дело, но и людьми высоконравственными, со спокойным и мягким характером, доброжелательными, проникательными и умеющими понимать ребенка. «Чем глубже культура учителя и чище его нравы, тем более прочные ростки добродетели и учености он оставит в детях своим преподаванием» – в этом убежден не один Веджо, пишущий эти строки. При этом даже для детей раннего возраста надо искать наилучшего учителя, ведь столь важно, полагают гуманисты, заложить с самого начала добрые основы.

В науке воспитания огромную роль гуманисты отводят природе. Опираясь на Псевдо-Плутарха, они считают природу вместе с «дисциплиной» (наставление, руководство, метод) и «упражнением» (практика) основой образования и воспитания. С помощью природы, авторитет которой, как мы уже знаем, в гуманизме был очень высок, они утверждают идею обоюдного воспитания души и тела, и в частности физического воспитания. Так как душа и тело взаимно влияют друг на друга, то через физические особенности (жесты, походку и др.), полагают они, можно узнать душевные свойства, а в характерах детей они пытаются усмотреть влияние физических начал, физиологии и склонны даже рассуждать, видимо, не без влияния Аристотеля, об особенностях психологии подростков. Конечно, при малом знании физиологии и психологии в те времена все эти попытки еще очень несовершенны, подчас наивны, однако важно, что гуманисты не ограничиваются рассуждениями, а стремятся дать советы и рекомендации родителям и учителям: постоянно наблюдать за детьми, выявлять путем наблюдения природные склонности, особенности характера и индивидуальные свойства и применять в зависимости от этого различные методы подхода к детям.

Природа признается важным фактором и в нравственном воспитании. Вопрос о соотношении природы и нравственности был для гуманистов животрепещущим – он ведь и для нас не утратил значения, и нам небезынтересно узнать, заложено ли что-то от природы в человеке. И хотя наука не находит никаких семян добра, мы продолжаем этот вопрос ставить. А в эпоху Возрождения, когда не изжиты еще были представления о первородном грехе и извращенности природы человека и когда сами гуманисты развивали мысли о природе – доброй матери, на этот вопрос ответы, естественно, давались разные, подчас противоречивые. Многие признавали доброту человеческой природы, говорили о семенах добра, заложенных в людях, которые необходимо взращивать. Другие полагали, что человек не рождается ни добрым, ни злым, а несет в себе семена и добра, и зла; третьи помнили еще о первородном грехе. Но в любом случае гуманисты высоко оценивали роль обучения и воспитания в формировании нравствен-

ности – и во возвращении ростков добра, и в смягчении и обуздании дурных наклонностей. Хорошо сказал об этом Веджо: «От природы нет ничего врожденного, чего нельзя было бы, не говоря совсем, но, по крайней мере, отчасти, исправить, если только приложить искусство и ученую руку наставника».

Что же касается способностей от природы, то умению их распознавать придается большое значение, ведь тогда можно направить ребенка в нужную сторону. Гуманисты признают всеобщую склонность людей к познанию, неустанную деятельность и изобретательность ума, а неспособность к обучению склонны считать неестественной. Однако они подчеркивают, что способности у людей разные; способности – как земли, по выражению Витторино да Фельтре, из которых «одни пригодны для пастбищ и скота, другие – для виноградников и пшеницы, никакая земля, однако, не остается сама по себе неплодородной». Так что каждый получает от природы нечто, и важно узнать, что именно, чтобы не ошибиться в выборе занятий для ребенка.

Основное содержание гуманистического воспитания заключается в гармоническом развитии, представления о котором излагаются в трактатах гуманистов. Эти представления шире и разработаннее, чем в Античности, хотя связь очевидна. Гармония души и тела, о которой говорил еще Платон (Тимей, 87е-89а), расшифровывается в духе гуманизма, унаследовавшего христианскую оценку души и душевной деятельности. Поэтому наряду с требованием всестороннего образования (по своему содержанию глубоко отличного от древнего) и физического воспитания (несводимого к гимнастике) обязательным и наиболее важным элементом этой гармонии становится нравственное воспитание. Оно понимается как воспитание в ребенке высоких нравственных качеств – добродетели, а добродетель, как мы знаем, всегда активна, проявляет себя в поступках, обращена к людям, поэтому нравственное воспитание оказывается одновременно и социальным, а также граждански-патриотическим.

Гуманисты понимают, что добродетель как абстрактное понятие недоступна детскому разумению (Верджерио специально это отмечает), и поэтому они предлагают воспитывать в детях нравственные и социально значимые качества, поощряя их стремление к похвале, их боязнь позора и бесчестия, склонность к деятельности, отрицательное отношение к праздности. В детях воспитывается благочестие, любовь к родителям и родине, уважение к старикам, почитание учителей. Детей учат вообще доброжелательно относиться к людям – чтобы не было в ребенке ненависти или пренебрежения, чтобы не был он упрямым и мстительным. Наряду с ориентацией на внешнее одобрение (не быть капризным, черствым, легкомысленным и др.) рекомендуется и во внешнем поведении проявлять доброе отношение к людям – иметь лицо бодрое и веселое, «чтобы было видно, что всем желаешь здравствовать, что нет в тебе ненависти к людям».

Признается польза труда, каких-либо занятий и вред бездействия и одиночества для детей, питающего дурные мысли и развращающего детей. В размышлениях гуманистов чувствуется бережное отношение к личности ребенка (оценка телесных наказаний как оскорбляющих личность; признание вредными всяких нелепых уменьшительных имен и прозвищ, сохраняющихся и у взрослых; а также всего того, что внушает страх и воспитывает трусость и др.).

Физическое воспитание, на которое обращают внимание все гуманисты, пишущие на темы воспитания, понимается ими широко. Это прежде всего физические упражнения (гимнастика), соединяющие античное пятиборье с элементами физического воспитания рыцарства; это закаливание – холодом, длительным бодрствованием, трудом и др.; наконец, это подвижные игры на воздухе, прогулки, танцы, важные, кроме прочего, и для хорошей осанки, т. е. активные виды отдыха, а также правильное питание и сон.

Физическое воспитание действует на организм разносторонне, оно через тело влияет и на душу – ведь гуманисты рассматривают их во взаимосвязи. Поэтому физические упражнения влияют и на психическое состояние и настроение человека, они, по словам Альберти, одно

из естественных лекарств, которым каждый может лечить себя без опаски; кровь становится чище, тело – крепче, ум – быстрым и живым. И напротив, от покоя и бездействия тело слабеет, становится медлительным и сонным, а ум тупеет и теряет ясность. Так же и в закаливании – вместе с телом закаляется дух, а изнеженность расслабляет то и другое.

Во всех видах физического воспитания гуманисты рекомендуют соблюдать меру и соотносить воспитание с возрастом и силами детей. А цель физического воспитания они видят в том, чтобы подготовить не только мужественного защитника отечества, но и просто человека физически и душевно здорового и крепкого, закаленного с детства, физически красивого. И еще важно оно как отдых от занятий, позволяющий вернуться к ним бодрыми и как бы обновленными.

Особенностью гуманистического воспитания является классический характер образования, в основе его – древние языки (латинский и греческий) и античная литература. Из христианской литературы – Библия и Отцы Церкви. В современной культуре гуманисты не видели ни идеалов, ни достойного стиля и языка, даже Данте не читали в гуманистических школах при всем уважении к нему гуманистов. Действенность воспитания в этих условиях зависела от мастерства педагога, способного заставить звучать в унисон с эпохой древние идеи, а не превращать их в антикварные ценности. Читали в гуманистических школах Вергилия и Гомера, Цицерона и Демосфена и других античных историков, поэтов, ораторов, философов.

Гуманистическая система образования была представлена прежде всего гуманитарными дисциплинами, такими, как история, моральная философия, поэзия, риторика; грамматика и диалектика играли роль инструментов, позволяющих овладевать знаниями. Гуманисты изменили и переосмыслили традиционную средневековую систему семи свободных искусств, они расширили тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и ввели диалектику (логику) – главную дисциплину схоластики – в разумные границы, подчеркнув ее служебный, вспомогательный характер, наряду с грамматикой. Дисциплины из естественного цикла – квадривия (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) – играли меньшую роль в образовании. Хотя некоторые гуманисты высоко оценивали естествознание (например, Верджерио), в школе Гуарино преподавали географию и астрологию, а у Витторино да Фельтре основательно изучали математику, музыку. Витторино одним из первых сказал о необходимости энциклопедического знания, и такая ориентация на всестороннее образование лишней раз указывает на непрофессиональную подготовку, даваемую в гуманистических школах. Но главное все же состояло в том, что всеми без исключения гуманистами гуманитарный цикл наук ставился на первый план, образование тем самым приспособлялось к выполнению воспитательных задач.

Поэтому образование и не мыслилось как формальное, оно должно было – и это гуманисты особенно подчеркивали – оказывать воздействие не только на ум, но и на чувства и волю учеников. Наставления, моральные сентенции соседствовали в нем с примерами, яркими образами и красками поэзии, риторики и истории – «учительницы жизни». По поводу риторики Бруни писал: «У ораторов мы научимся восхвалять благодеяния и проклинать злодеяния, утешать, убеждать, волновать, устрашать, хотя все это делают и философы, однако не знаю как, именно во власти ораторов вызывать гнев и милосердие, возбуждать и подавлять душу». А Пикколомини уверен, что, читая Гомера и Вергилия, «детская душа вознесется вверх простой героической песнью и увлечет дух величием дел и напоится лучшим».

Рассуждения гуманистов о красоте стиля, признание того, что в речи необходимы «блеск, красота, изысканность», позволяют говорить о появлении в гуманистическом образовании эстетических моментов, правда, пока еще в области, наиболее знакомой гуманистам, – в литературе. Но осознания нужности самостоятельного эстетического воспитания у итальянских гуманистов XV в. нет. Хотя практика, видимо, опережала теорию: в школе Витторино на высоком, несредневековом, уровне находилось преподавание музыки, а у Гуарино, возможно, преподавались изобразительные искусства.

Особого религиозного воспитания гуманисты не предполагали, хотя чтение священных книг, как правило, Библии и Отцов Церкви, в программы некоторых из них включено. В целом в гуманистическом воспитании присутствует практическое понимание религии: в детях воспитывается благочестие, уважение к культу и святым. В школе Витторино это проявляется наиболее сильно, а из теоретиков воспитания обширные наставления в этом отношении делает Пикколомини.

В полном соответствии с благородными воспитательными задачами процесс обучения понимался как добровольный, сознательный и радостный. Естественно, что методами такого обучения и воспитания могли быть только методы «мягкой руки», широкое и взвешенное применение похвалы, разумное порицание. Отношение к телесным наказаниям было, как правило, *отрицательным*, и это обосновывалось: такие наказания и унижения, их сопровождающие, формируют рабскую душу, отбивают вкус к знаниям, рожают ненависть к учителю или к родителям. И все же телесные наказания не исчезли окончательно из гуманистических сочинений и из практики гуманистической школы, даже у добрейшего к детям Витторино они применялись, но в исключительных случаях и только за нравственные проступки.

Сам процесс обучения обсуждался меньше, ведь на темы воспитания писали зачастую гуманисты, не преподававшие в школах, да и преследовали они в своих трактатах отнюдь не дидактические задачи. А у тех, кто преподавал, можно найти мысли о сознательном усвоении материала, необходимости размышлять над прочитанным. Обращали внимание на тщательный отбор и дозировку материала, учили, как надо запоминать. Поскольку ценился хороший стиль письма и речи, то для его формирования рекомендовалось отбирать лучшие произведения античной литературы и часто практиковаться в произнесении речей.

Единого мнения о школе у итальянцев не сложилось: одни писали о домашнем воспитании, другие высказывались против него и отстаивали преимущества частной школы. Верджерио видел школу под контролем государства, но мыслей о ней не развивал. А реально существовавшие школы Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона имели неопределенный статус, они возникли на стыке частной школы и двора феодала и были полугосударственными-получастными учебными заведениями, во всяком случае, закрытыми школами, не публичными.

Итальянские гуманисты утверждали доступность образования для всех, независимо от общественного и имущественного положения, лишь бы была способность к занятию свободными науками (а таковую они признавали не у всех). Однако на практике равные возможности могли использовать далеко не все, ведь образование в гуманистических школах было платным. Видя, что препятствием к образованию может стать «недостаток средств», гуманисты тем не менее мало задумывались над тем, как помочь бедным получить хорошее образование. Они обращали мало внимания на внешние обстоятельства, полагая, как Верджерио, что «натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям»; словом, человек, способный к занятиям гуманистическими науками, всегда добьется того, к чему стремится. Только в школе Витторино практиковалась помощь бедным, и это благородное дело Витторино, учившего способных бедных учеников бесплатно, прославило педагога, но оно было скорее исключением.

В целом человек в гуманистических трактатах о воспитании представляет собой личность деятельную, социально и граждански ориентированную и высоконравственную; он обладает чувством собственного достоинства, мужеством, физической и душевной стойкостью, способен быть защитником отечества; ему присуще стремление к похвале, славе и большим делам; его отличают всестороннее образование и культура. Предполагалось, что такой человек способен проявить себя в разных видах деятельности. Практика гуманистических школ Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона показывает, что их питомцы становились государственными и общественными деятелями, высшими церковными иерархами, военачальниками, гуманистами, учеными, школьными учителями, университетскими преподавателями, книго-

издателями, т. е. проявляли себя и в общественной и государственной деятельности, в сфере культуры и просвещения.

В условиях начинающейся рефеодализации Италии XVI в. гуманистические идеи воспитания становились все чаще достоянием феодально-аристократических кругов. Они использовались для воспитания образцового во всех отношениях придворного: он обретает черты гармонически развитой личности, культура украшает его, придает внешний блеск. Все это блестяще демонстрирует диалог Б. Кастильоне «О придворном». Появляются интересные новшества в воспитании: развитие эстетического вкуса путем занятий живописью, музыкой, поэзией; введение в образование родного языка. Но идеал сужен до придворной среды, сужен еще и оттого, что благородство, толкуемое ранее как личное приобретение, считается теперь достоянием знатного человека.

Гуманистические идеи воспитания сохраняются еще в сочинениях писателей XVI в. (например, у Я. Садолето); их можно встретить также у писателей-утопистов или склонных к реформационным настроениям писателей, хотя, вырванные подчас из системы представлений предшественников и включенные в контекст их собственных размышлений, они звучат иначе.

Гуманизм других европейских стран унаследовал лучшие и наиболее плодотворные идеи итальянской науки воспитания периода ее расцвета и развил их дальше. В педагогических сочинениях Эразма Роттердамского, Х. Л. Вивеса, Ф. Рабле, М. Монтеня, Р. Эшема и Т. Элиота идеи воспитания в их основных чертах похожи на итальянские – приоритет воспитательных задач, связь знания и нравственности, идеи гармоничного развития, воспитание достойного гражданина и нравственного человека как цель воспитания; похожи и многие методы.

Но появляются и существенные особенности, порожденные иными условиями, в которых развивается европейский гуманизм. Более трезвая, лишенная идеализации оценка человека в европейском гуманизме XVI в. привела в сочинениях на темы воспитания к критике человеческих пороков, семейного воспитания и родителей, особенно характерно это для Эразма в педагогическом трактате и в «Разговорах запросто». О роли семьи в воспитании говорится (Вивес, Эразм), но, пожалуй, меньше, чем у итальянцев, интерес перемещается с семьи на школу, учителя – их роль в воспитании и образовании решающая. Но и школа, и учителя, и вообще вся система средневекового образования подвергается сильнейшей критике, практически все гуманисты касаются этой темы. И в целом старая система образования с ее «авторами» и жесткими методами воспитания была разрушена именно в XVI в.

Более того, некоторые гуманисты (Монтень прежде всего) увидели серьезные недостатки и в появившихся под влиянием гуманизма новых школах, где изучается классическое наследие. Педанты, с которыми воюет Монтень, – это не столько схоласты, сколько преподаватели классических школ, где интерес к классике становится самоцелью и в силу этого теряется воспитательный характер образования. «Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть пустыми. ... Мы умеем сказать с важным видом: “Так говорит Цицерон”, или “Таково учение Платона о нравственности”, или “Вот подлинные слова Аристотеля”. Ну а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог сказать и попугай». Монтень остается верен гуманистическим идеям воспитания с помощью знания, но он несравнимо сильнее итальянцев говорит о творческом отношении к знанию: надо не вливать знания в детей, «словно воду в воронку», а научить детей творчески усваивать и перерабатывать эти знания, превращая их в элементы собственного убеждения.

Вера в силу воспитания продолжает оставаться характерной чертой европейского гуманизма. В гуманистической триаде природа – дисциплина – упражнение роль природы несколько ослаблена по сравнению с итальянцами. Так, Монтень полагает, что склонности детей проявляются слабо и неотчетливо, и не советует особенно полагаться на «легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души». На первый

план выходят дисциплина и упражнение, т. е. сам процесс воспитания. Для Эразма воспитание – путь формирования человека, ибо «людьми не рождаются, но делаются путем воспитания». Вера в силу воспитания для него – это вера в силу разума, способного совершенствоваться. «Человеком делает разум» – с этим убеждением Эразма находятся в соответствии все его педагогические рекомендации.

Основной путь воспитания у Эразма и других европейских гуманистов лежит через образование. Для Эразма это образование исключительно книжное, какой-либо опыт в нем отсутствует. Он убежден, что философия за один год большему учит, чем сколь угодно большой опыт в делах за 30 лет. У него нет даже обращения к «живому примеру», как это наблюдалось хотя бы у Веджо. Но само образование обогащается у Эразма понятием игры, наглядностью (очень характерен его пример с картинками, изображающими животных). Та же наглядность присутствует и у Рабле в процессе обучения, но у него есть еще и наблюдение природных явлений, и знакомство с различными ремеслами и искусствами, и даже «опыт» (в шутильной, правда, форме извлечения воды из вина). Монтень же, убежденный, что «ученость чисто книжного происхождения – жалкая ученость», призывает учиться не только на книгах, но и путем общения с людьми, в путешествиях, что обогащает человека знанием и воспитывает его. Так что понятие «обучение» у гуманистов XVI в. значительно расширяется. Но, кажется, никто из них уже не возвращается к старой идее ранних гуманистов – брать за образцы людей – отца, учителя, старших, добродетельного человека вообще. Безоглядная вера в человека, столь характерная для раннего гуманизма, ушла в прошлое. Однако гуманизм не утратил оптимизма, он верит в разум, в силу воспитания и потому остается гуманизмом.

Понимание знания также расширяется в XVI в. Это уже не только знание гуманитарного толка (эта традиция сохраняется еще у Эразма), играющее главную роль в воспитании, но и естественно-научное знание (в большем объеме, чем у итальянцев): включается в образование физика как наука о природе; в курсе математики, кроме традиционных дисциплин квадривия, названы оптика и архитектура; предлагаются труды натуралистов и медиков, таких, как Феофраст, Диоскорид, Гален. В обучении начинают широко использовать труды самих гуманистов: «Разговоры запросто» Эразма, «О красотах латинского языка» Л. Валлы, учебники и словари по латинскому и греческому языкам и др.

Древние языки продолжают сохранять свою роль главных орудий образования, углубляется изучение греческого языка по сравнению с XV в. Но растет интерес к изучению родного языка, рассматриваются возможности использовать его как подступ к древним языкам у Вивеса, английских гуманистов. А у некоторых гуманистов (Мора, Монтеня) предполагается преподавание на родном языке.

Гуманисты (Вивес, Эразм) обращают большое внимание на специфику детского возраста, на особенности детской психологии. Эразм выделяет память и способность к подражанию как характерные черты детей и показывает, как, опираясь на эти особенности детской психологии, сделать успешным обучение детей, как приспособить к пониманию детей содержательный материал образования и как облегчить восприятие трудных вещей. Особенно любопытны и новы для того времени его размышления об обучении как игре, где он основывается на присутствии у детей свойстве воспринимать ученье как игру и не уставать от него; а так как в любом деле значительная часть трудностей идет часто из воображения, то главная задача учителя будет заключаться, по мнению Эразма, в том, чтобы облечь занятия в игру. Интересны рассуждения Эразма о детстве как весне человеческого возраста, которой соответствует все радостное и приятное, его вера в способность юного возраста добиваться многого и призыв как можно раньше начинать заниматься. Ему свойствен какой-то культ молодости, и в этой ставке на будущее – оптимизм Эразмова гуманизма.

Из рассуждений гуманистов XVI в. о школе гораздо больше можно узнать о том, какой не должна быть школа, – в сокрушительной критике средневековой школы они едины, но у

Эразма и Вивеса есть мысли о школе общественной и притом под контролем общества, чтобы исключить там все случаи жестокости и насилия над личностью ученика. Видимо, она мыслится как бесплатная, находящаяся на общественном попечении. Общественное попечительство становится в XVI в. актуальной проблемой. Понимая школу как важный общественный институт и надеясь на ее разумное устройство, гуманисты рассчитывают на заботу о ней общества, а в случае отсутствия такой школы и невозможности для бедняка пригласить частного учителя они (Эразм) возлагают надежду на частную благотворительность. Этим они также отличаются от гуманистов XV в., либо не задававшихся такими вопросами, либо веривших, что человек, жаждущий знаний, добьется своего вопреки всяким трудностям.

Так, развивая идеи предшественников, гуманистическая наука воспитания XVI в. передает свой, ставший более зрелым опыт воспитания последующим векам.

Н. В. Ревякина

Гуманистическая мечта о человеке

Франческо Петрарка

Франческо Петрарка (1304–1374) был первым гуманистом Возрождения, основоположником гуманистического мировоззрения, сформулировавшим в своих сочинениях ряд идей и подходов, ставших в гуманизме ведущими. Сын изгнанного из Флоренции в результате политической борьбы нотариуса, он провел молодые годы в Авиньоне, куда переселилась семья отца. До 1326 г. изучал по настоянию отца право в Монпелье и Болонье. Но после смерти отца он оставил занятия нелюбимым правом и целиком посвятил себя литературе. В 1327 г. Петрарка встретил в одной из авиньонских церквей молодую женщину Лауру, ставшую на долгие годы источником его поэтического вдохновения, ей он посвятил свои стихи и не переставал воспевать ее и после ее смерти, случившейся в 1348 г.; созданная на итальянском языке и прославившая поэта «Книга песен» (1356–1358, 2-я ред. – 1373) – поэтический рассказ Петрарки о борениях своих страстей, о своей неразделенной любви.

С 1330 г. гуманист на службе у авиньонского кардинала Джованни Колонна, он принял духовный сан и стал капелланом в домашней церкви Колонна. Поприще клирика давало ему средства к существованию и позволяло заниматься поэзией, литературой, философией. В 1333 г. Петрарка совершил путешествие по Северной Франции, Фландрии, Германии, с истинной страстью путешественника он осматривал города, разыскивал и переписывал древние рукописи, составляя собственную библиотеку. В 1337 г. он впервые посетил Рим, восхищенный его древними памятниками и потрясший разрушениями. Возвратившись в Авиньон, он поселился недалеко от города, в Воклюзе, расположенном в живописной долине у истоков Сорги, там он жил в уединении с 1337 по 1353 г. с перерывами. В 1337 г. у него родился сын Джованни.

В 1341 г. Петрарка, уже известный к тому времени как поэт своей героической поэмой «Африка» о подвигах Сципиона Африканского во 2-й Пунической войне и отдельными «Стихотворными посланиями», коронуется лавровым венком на Капитолии и произносит речь о сущности и назначении поэзии. В это время он работает над историко-биографическим сочинением «О знаменитых людях» (начато в 1337 г., закончено в 1358 г.), пишет диалог-исповедь «Тайна» (1342–1343), повествующую о разладе новых чувств и настроений в душе поэта и старых идейных установок и важную с точки зрения становления нового мировоззрения. К этому же времени относится трактат «О достопамятных вещах» (1343–1345), где на материале древности и современной жизни Петрарка изучает человеческие добродетели. В трактате «Об уединенной жизни» (1346), вдохновленном жизнью в Воклюзе, защищает право на выбор собственного образа жизни и собственных занятий и осмысляет свой особый путь в жизни. Для монахов картезианского монастыря, куда удалился брат Петрарки, он пишет трактат «О монашеском призвании» (1347). В этом же году он приветствует победу в Риме антифеодалного движения под руководством Кола ди Риенци.

В 1353 г. Петрарка окончательно переселяется в Италию, оставив Воклюз. Он живет при дворе Висконти в Милане, выполняя в основном дипломатические поручения (1353–1361), затем в Венеции, Павии, Падуе и в Аркве под Падуей, где живет в своем доме вместе с семьей дочери Франчески (род. в 1343 г.), здесь Петрарка умер и похоронен.

В итальянский период жизни он доделывал многие ранее начатые работы и написал новые. Среди последних – «Инвективы против врача» в 4 книгах (1352–1353), где он отстаивает первенствующее положение поэзии и риторики по сравнению со средневековыми схоластическими дисциплинами, и прежде всего медициной; большое сочинение на этические темы

«О средствах против всякой судьбы» (1354–1366), инвектива «О невежестве своем собственном и многих других» (1367). Обширная переписка гуманиста, очень ценная для изучения его мировоззрения, включает 24 книги писем «О делах личных», «Письма без адреса», «Старческие письма», незаконченное письмо «К потомкам» – своеобразную автобиографию гуманиста, доведенную до 1351 г. Латинское стихотворное наследие составляют поэма «Африка», 12 эклог «Буколическая песнь» и «Стихотворные послания», итальянское наследие включает, кроме «Книги песен», морально-аллегорическую поэму «Триумфы», оставшуюся незаконченной.

Ниже приводятся фрагменты из инвективы «О невежестве своем собственном и многих других», направленной против венецианских философов-аверроистов и против всей схоластической философии и ее главного авторитета – Аристотеля; Петрарка противопоставляет оппонентам свое понимание задач философии, заявляет о ее ориентации на человека, соединяет неразрывными узами знание и нравственность. Публикуемые далее два диалога взяты из работы «О средствах против всякой судьбы», одной из самых популярных книг в XV–XVI вв., первой из работ Петрарки, изданной типографским способом (в 1474 г.). В диалогах обсуждаются две важнейшие для гуманистов проблемы – проблема *благородства* как собственного достоинства человека, приобретенного славными деяниями, знаниями и творчеством, и проблема *достоинства* как особого места и назначения человека по сравнению с другими творениями Бога; Петрарка открывает обсуждение этой темы, которая найдет свое развитие у Фацио, Манетти, М. Фичино, Пико делла Мирандола и гуманистов XVI в.

Н. В. Ревякина

О невежестве своем собственном и многих других

<...> Для многих знания – орудие безумия, почти для всех – высокомерия, если – что бывает редко – не упадут они в добрую и хорошо воспитанную душу. Тогда многое [такой человек] знает о животных, птицах и рыбах: знает, сколько у льва волос в гриве, сколько перьев в хвосте у ястреба, сколькими витками обвивает спрут потерпевшего кораблекрушение, как спариваются слоны, оборотившись спиной, и как у них два года длится беременность и какое слон послушное и долговечное животное, и по уму ближайшее к человеку, и живет он два или три столетия, как Феникс сгорает в благоухающем огне и сожженная вновь возрождается, как морской еж задерживает корабль, движущийся с любой скоростью, но извлеченный из воды теряет всякую силу; как охотник заколдовывает с помощью зеркала тигра, как аримасп поражает грифов мечом, как киты своими спинами вводят в заблуждение моряков; знает, как безобразен новорожденный медвежонок, редкостен детеныш у самки мула, неповторим и жалок змееныш, как слепы кроты, глухи пчелы и, наконец, что из всех животных только крокодил движет верхней челюстью¹. Эти вещи в большей части или ложны, что стало очевидным во многих подобных случаях, когда они происходили в наших землях, или они были достоверно неизвестны самим авторам [их сообщающим], но вследствие того, что они не были на виду, в них и верят охотнее, и легче их измышляют; и, наконец, даже если эти вещи были бы истинны, они ничем бы не способствовали счастливой жизни. Ведь какая польза, спрашивается, будет в том, чтобы знать природу зверей и птиц и не знать и не стремиться узнать природу людей, для чего мы рождены, откуда идем и куда направляемся?

¹ Эти сведения Петрарка мог почерпнуть как у древних авторов (Плиния, Аристотеля), так и у средневековых (Винченца из Бове, Фомы из Кантемпре и др.). Феникс – сказочная птица, прожив 500 лет, сжигала сама себя в гнезде, сделанном из сухих ароматических трав, и затем вновь возрождалась из пепла. Аримаспы – мифический народ, живший к северу от Черного моря; аримаспы постоянно боролись с грифами за золото, которое те охраняли.

<...> Если не ошибаюсь, я читал все моральные труды Аристотеля, о некоторых слышал, и прежде чем раскрылось столь огромное [мое] невежество², мне показалось, что я кое-что понял: благодаря этим трудам я, возможно, становился подчас учнее, но не делался, как подобало, лучше. И часто сам себе и иногда другим я жаловался, что не достигаю на деле того, что тот же философ сам обещал в первой книге «Этики»³, а именно, что эта часть философии изучается не для того, чтобы увеличить наши знания, а чтобы сделать нас нравственными. Я, разумеется, вижу, что Аристотель превосходно определяет и подразделяет и проницательно исследует добродетели, свойства их и пороков. После изучения всего этого я знаю несколько больше, чем знал, но душа моя осталась той же, что была, воля той же. Я не изменился. Действительно, одно – это знать, другое – любить, одно – это понимать, другое – желать; не отрицаю, Аристотель учит, что такое добродетель, но побуждающих и пылких слов, которые подталкивают душу и воспаляют ее любовью к добродетели и ненавистью к пороку, то чтение не имеет или имеет в самой незначительной степени. Кто ищет такие слова, найдет их у наших, особенно у Цицерона и Аннея и – никто не удивится этому – у Флакка⁴, поэта с грубым стилем, но с очень приятными мыслями. Но чем полезно будет знание того, что такое добродетель, если ее познанию не возлюбить? Какая польза в знании того, что такое грех, если, познав его, не содрогнуться? Право же, если воля извращена, то когда станет ясна трудность осуществления добродетели и соблазнительная легкость пороков, это может толкнуть ленивую и колеблющуюся душу в худшую сторону. <...> Хотя в действительности наша цель не заключена в добродетели, где ее поместили философы, однако через добродетели лежит прямо путь туда, где находится наша цель; через добродетели, говорю, не только те, которые мы познали, но те, которые возлюбили. Те, следовательно, являются истинными моральными философами и полезными учителями в добродетели, первое и последнее стремление которых заключается в том, чтобы сделать нравственным своего слушателя и читателя, и которые не только учат, что такое добродетель или порок, и доносят до ушей славное имя первой и злое имя второго, но и укореняют в душе стремление и любовь к добрым делам, ненависть к дурным и бегство от них. Благоразумнее трудиться ради доброй и благочестивой воли, чем ради огромного и просвещенного интеллекта. Ибо предмет [цель] воли, как считают мудрецы, – благо; предмет интеллекта – истина. Но лучше желать блага, чем знать истину. Ведь первое никогда не лишено воздаяния, второе же часто содержит [в себе] вину и не имеет оправдания. Итак, сильно заблуждаются те, кто посвящает время познанию добродетели, а не приобретению ее, и еще больше те, кто познают Бога, а не любят его.

Francesco Petrarca. Prose. A cura di G. Martellotti e di P. G. Ricci, E. Carrara, E. Bianchi. Milano; Napoli, 1955. P. 712–714, 744–748.

Пер. и комм. Н. В. Ревякиной

² «Столь огромное невежество» – полемический трактат Петрарки направлен против его венецианских знакомых – философов-аверроистов (и вообще схоластов), упрекавших гуманиста в невежестве и мало ценивших его красноречие; но Петрарка был ученым-схоластом и не желает, отсюда его заявление, скорее ироническое, о собственном невежестве.

³ Этика – «Никомахова этика» Аристотеля.

⁴ Луций Анней Сенека; Квинт Гораций Флакк.

О средствах против всякой судьбы

Книга вторая

ХСIII. О печалях и несчастьях

Скорбь. Размышление о моих теперешних несчастьях делает меня печальным.

Разум. Я не отрицаю, что несчастья человеческого состояния велики и многочисленны. Они оплакиваются в некоторых недавних книжках⁵. Но если ты посмотришь на жизнь с другой стороны, то увидишь многое, что делает ее счастливой и приятной. Об этом, если я не ошибаюсь, никто до сих пор не писал, а те, кто принимался, отказывались от своего намерения, поскольку понимали, что этот предмет труден, противоречив, бесплоден для пишущих и далеко не равнозначен тому, что можно писать о несчастьях, до какой степени многие из них бросаются в глаза. Счастье мало и скрыто, тут нужно глубже копнуть пером, чтобы можно было показать его неверящему.

Я выделяю главное из многого: мало ли вам причин для радости? Образ и подобие Бога-творца, имеющиеся в человеческой душе: ум, память, предвидение, красноречие; столь многие изобретения, столь многие искусства, служащие этой душе и этому телу, в котором божественной милостью предусмотрено все необходимое для вас. А красота столь многочисленных и столь разнообразных вещей, удивительным и непостижимым образом служащих не только вашим нуждам, но и вашему удовольствию! Что за великая сила корней, травяных соков, какое разнообразие цветов! Сколько запахов, тепла, вкусовых ощущений, из различия которых рождается гармония! Как много животных в небе, на земле, в морях, предназначенных только для вашей пользы и подчиненных только вашей власти! И если вы бы не покорились добровольно ярму греха, то владели бы всем, что есть под небом.

Прибавь холмы, согретые солнцем долины, тенистые ущелья, льдистые Альпы, теплые побережья. Прибавь столь многие источники целебных вод: сколько среди них серных и дымящихся, сколько прозрачных и холодных ключей. А сколько морей, омывающих землю или вдающихся в нее! Прибавь стремительные потоки и незыблемые пределы материков. Прибавь озера, схожие с морями; и обширные болота, и ручьи, стремительно низвергающиеся с горных теснин, и цветущие берега.

«И берегов защита, и свежие луга у ручьев», – как сказал Вергилий⁶.

Что добавить о гулких пещерах и покрытых пеной утесах, о влажных побережьях; об отливающих золотом нивах, и виноградниках в период ягод, и об удобствах городов, и о деревенском покое, и о свободе уединения?

А что может быть прекраснее и божественнее из всех зрелищ, чем вид неба с едва заметным вращением звезд? И среди них, неподвижных или блуждающих, или, как говорят, плывающих, взгляните прежде всего на Солнце и Луну, яснейшие светильники неба и мира, как говорит Марон⁷, его сверкающее украшение, как говорит Флакк⁸. От них – земные плоды, от

⁵ По мнению биографа Петрарки Уилкинза, диалог написан в 1354 г. и является одним из самых ранних в трактате. Гуманист отклонил в 1354 г. просьбу настоятеля картезианского монастыря дописать к трактату Иннокентия III «О презрении к миру, или О ничтожном состоянии человека» (1198) вторую часть, где речь должна идти о христианском понимании радостей и счастья человека: он сослался на то, что сам занят диалогом на эту тему. В диалоге Петрарки чувствуется скрытая полемика с аскетической позицией Иннокентия.

⁶ Вергилий. Энеида, VI, 674.

⁷ Вергилий. Георгики, 1, 6.

⁸ Гораций. Оды, 2, «Юбилейный гимн».

них – жизнь существ, от них – изменение погоды; при их помощи мы измеряем годы, месяцы, и дни, и ночи, и мгновения, без чего возникло бы отвращение к жизни.

То же касается тела: пусть оно бrenно и слабо, однако имеет приятный вид, выпрямлено и приспособлено к созерцанию неба. Присовокупите бессмертие души и путь к небу – при малой плате неоценимую награду, и многое такое, чего не стоит касаться вне наставлений веры. Есть надежда, что после смерти возродится и тело, станет легким, светящимся, непорочным, им можно будет пользоваться с еще большей славой. И оно превзойдет не только человеческое, но и ангельское достоинство.

Сама человеческая природа будет соединена с божественной так же, как у того, кто был Богом и стал человеком. Ведь он, единосущный, совершенным образом объединив в себе две природы, стал Богом и человеком, – так, сделавшись человеком, сделал человека Богом. Невыразимое благочестие и смирение Бога – высшее счастье и слава человека, во всех отношениях возвышенное и сокровенное таинство, удивительная и благотворная связь, которую, не знаю, как небесный, но человеческий язык выразить не может.

Разве тебе мало, что уже одним этим человеческое состояние облагорожено и несчастья уничтожены? О чем, спрашиваю, более возвышенном может помышлять человек, если не о том, чтобы стать Богом? Вот уже он Бог.

Что еще остается, спрашиваю я, о чем вы могли бы вздыхать и чего могли бы желать? Вполне достаточно того, что ты приобрел, и нечего выдумывать, что остальное является большим. Действительно, когда сила провидения склонилась к вашему спасению, Христос, хотя и мог избрать что-нибудь другое, принял, однако, человеческое тело и человеческую душу и пожелал обрести не ангельский, но человеческий облик, – чтобы ты знал, таким образом, насколько Господь любит тебя, и возрадовался этому.

Как превосходно сказал Августин, Бог показал, что нужно обращать внимание не на плоть и не на мощь, а на то, чтобы вы придали добродетельность телесным ощущениям, – в чем человеческая природа занимает выдающееся место между прочими творениями. И тот, кто с удивительным достоинством предпочел вас ангелам, самих ангелов сделал вашими стражами, чтобы еще раз показать ваше преимущество. Иероним говорил⁹, что достоинство душ таково, что каждая в отдельности имеет ангела, поставленного ей в охрану. В самом деле, забота Бога о нас – отеческая и более чем просто отеческая. И как сказано Сатириком¹⁰, поистине неизменная. Воистину, Богу человек дороже, чем самому человеку. Откуда же берется место печали и жалобам? Не природа ваша, очевидно, но грех делает вас печальными и жалующимися.

Скорбь. Меня удручают недостойное рождение, хрупкость и слабость природы, и нужда, и суровость судьбы, и краткость жизни, и неизвестность конца.

Разум. С большим рвением ты сетуешь на причины своих печалей. Следует перейти к противоположному, чтобы ты возликовала от радости. А при нынешних нравах слишком жадно вы склоняетесь к дурному. Посему все, что касается недостойного рождения или безобразия тела и прочего, – оно не только не уменьшается стремлением к воскресению, на что надеется каждый верующий, равно как и на то, что будут облагорожены тела, – но также опровергается существующей красотой и неким исключительным величием человека среди всех божьих творений.

Ибо что утрачивает от недостойного рождения человеческое достоинство? Разве не из безобразных корней вырастают высокие и стройные деревья и одевают благодатной тенью травянистую землю? Не из грязнейшего навоза поднимаются веселые нивы? И не из презренного происхождения – дела наилучшие? Вы – божий урожай, который должен провеиваться на току судилица и сыпаться в амбар высочайшего отца. Земным, хотя отчасти благородным и небес-

⁹ Иероним. Комментарии к Евангелию от Матфея, 10, 11 (помещенные в «Патрологии» Миня, т. XXVI, с. 130).

¹⁰ Ювенал. Сатиры, 10, 349.

ным, было происхождение. И каким бы ни было рождение и сколь трудным ни было бы возвышение – небо становится последним обиталищем.

Что сказать о наготы, телесной слабости и многих тяжких испытаниях несчастьем, из-за которых принято считать человеческое состояние жалким? Разве не восполняется это при помощи разнообразных искусств и многих лекарственных средств? Если для животных, лишенных разума, природа позаботилась о прочной шкуре, когтях и шерсти, только человека, изобретателя всего, наделила разумом. Не больше ли славы, чем бесчестья, можно извлечь из того для людей? Как те защищены чем-либо, так он защищен своим собственным внутренним средством. Все прочее, как бы сильно оно ни защищало существа, все равно слабее разума. Один только человек имеет столько, сколько сможет достичь проницательным разумом...

Всем существам, которых мы видим, облезлым от старости или от чесотки, хромым, слепым, никто не в состоянии помочь, кроме человека. Человек же, нагой сам по себе, одевается и украшается при помощи ума и, если дело потребует, вооружается. Хромой и бессильный скачет на лошади, или едет в повозке, или опирается на палку. Всеми способами помогает себе и себя поддерживает. Он научился изготавливать деревянные ноги, или железные руки, или восковые носы и тем самым противостоять случайным несчастьям, потере какого-либо члена тела. Пошатнувшееся здоровье он восстанавливает лекарствами, отсутствующий аппетит возбуждает лакомствами, ослабевшее зрение исправляет очками. Они, кстати, были выдуманы нашими предками: Сенека пишет, что они пользовались с этой целью сосудами, наполненными водой¹¹. Вообще удивительна игра природы, ласковой и щедрой матери: одно у сына отняв, другое даст и утешит.

Лошади, быки, слоны, верблюды, львы, тигры, барсы и подобные им существа, состарившись, становятся ненужными, умирая – исчезают бесследно. Только человека, одаренного доблестью, свойственной только ему, старость делает уважаемым, а смерть – счастливым, унося, а не уничтожая бесследно.

И самое главное: некоторые животные сильнее человека, некоторые быстрее, некоторые обладают более острыми чувствами, но нет ни одного, превосходящего человека достоинством, ни одного, о ком забота Творца была бы такой же, как о человеке. Только человеку дана круглая форма головы и небесный лик.

И когда, склоненные, видят животные только землю,
Глазам человека дано видеть высоты и небо
И поднимать обращенный к звездам лик¹².

Как прекрасно сказал Назон; возможно, такие слова есть и у Цицерона.

Только человеку даны лицо и глаза, отражающие тайны души, дан разум, дана речь, даны слезы, дан смех – признаки скрытых чувств.

Некоторые полагают, что последнее служит доказательством несчастья и ничтожества человека, так как плакать младенец начинает с момента рождения, а смеяться – только на сороковой день¹³.

Я называю человека счастливым, если им управляет доблесть, но жить ему не просто, так как от рождения предстоят непрерывные труды и тяготы.

И, наконец, что касается силы и быстроты, ловкости и приспособленности животных – всего этого недостает человеку. Но человек приучил к ярму диких быков и к узде – необъезженных лошадей. Человек сделал украшением своего стола медведей, страшных своими ког-

¹¹ Сенека. Естественно-научные вопросы, III, 17,2 и 18,4.

¹² Назон (Публий Овидий Назон). Метаморфозы I, 84–86.

¹³ Приведен один из аргументов Иннокентия III, служивший доказательством ничтожности человеческого существования.

тами, вепрей, опасных своими клыками, оленей, убивающих рогами. Человек использует мех и шкуры лис, рысей и прочих зверей, мясо которых нельзя употребить в пищу. С помощью сетей человек покорил себе моря, с помощью собак – леса, с помощью птиц – небо. Он обучил животных понимать человеческий голос и повиноваться человеческим жестам. Так из каждой части природы он что-нибудь поставил себе на пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.